

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Когда Джослин Брендон умер — а умер он в глубокой старости, как это заведено у волшебников, — то свой дом и область попечения он оставил внуку, Эндрю Брендону Хоупу. Эндрю было тогда за тридцать. Что касается дома — поместья Мелстон-Хаус, — тут можно было ограничиться завещанием. Однако область попечения старик Джослин был твердо намерен передать как положено, из рук в руки.

Приближение кончины Джослин почувствовал заранее. Он знал, что доехать до него Эндрю может очень быстро. Стоит взобраться на вершину холма Мелл, который высится за домом, и сразу увидишь университет, где преподает Эндрю: темно-синее пятнышко на краю просторной сине-зеленой равнины, всего полчаса езды на машине. Поэтому,

едва старик Джослин понял, что настал его смертный час, он сразу велел своей домоправительнице миссис Сток позвонить внуку.

Позвонить-то миссис Сток позвонила. Однако дозвониться, по правде говоря, не слишком старалась. Она считала, что хворь у старика пустячная, а главное — не одобряла, что дочка Джослина вышла замуж за одного из этих Хоупов (он-то и загнал ее в гроб, и поделом). А как следствие, не одобряла и сына этой самой дочки, Эндрю Хоупа. И вообще она ждала врача и не желала метаться от телефона к двери. Поэтому она, конечно, пробилась сквозь хитроумную университетскую систему внутренних номеров и коммутаторов и добралась до исторического факультета, но, когда некая девица на этом самом факультете, назвавшаяся ассистенткой-лаборанткой, сообщила миссис Сток, что доктор Хоуп в данный момент на заседании кафедры, домоправительница попросту махнула рукой и повесила трубку.

На самом деле в тот вечер Эндрю Хоуп ехал примерно в направлении Мелстона — он возвращался с раскопок, связанных с его научной работой. А ассистентка-лаборантка не имела ни малейшего представления, где он, и попросту соврала миссис Сток, как врала всем и каждому. Эндрю только-только проехал затейливую колдобину, после которой, как он всегда отмечал про себя, все становилось иначе. Спустились сумерки, Эндрю включил фары. К счастью, ехал он не быстро. В свете фар внезапно возникла фигура — черная, человеческая и вроде бы размахивающая руками.

Эндрю ударил по тормозам. Машину занесло, шины завизжали, оставив длинный извилистый след, перед перепуганным Эндрю пронеслись всяческие мелкие травинки, веточки и колючки в зарослях по обочинам дороги, высвеченные ярким светом фар. Потом машина перевалилась через что-то тошнотворно-мягкое. И остановилась.

Эндрю распахнул дверцу и выпрыгнул на дорогу. Вляпался в то самое тошнотворно-мягкое. Оказалось, это жидкая глина в канаве, где завязло правое переднее колесо. Эндрю в ужасе выдернул ногу из жижи, прошлепал вокруг капота и заглянул под остальные три колеса. Ничего. Видимо, мягкий выступ на дороге — это был бугорок между дорогой и канавой. Эндрю еще раз проверил, что никого не задавил, и лишь после этого огляделся и увидел в лучах фар ту самую человеческую фигуру, что заставила его остановиться. Фигура была высокая, тощая и очень похожая на самого Эндрю, только седовласая, слегка сутулая и, в отличие от Эндрю, без очков. Зрение у Джослина всегда было отменное: полезная штука волшебство.

Эндрю узнал деда.

— Хорошо хоть я тебя не переехал, — проговорил он. — Или все-таки переехал?

Спросил он потому, что сквозь дедово туловище, как он теперь заметил, просвечивала белая разделительная полоса на дороге.

Дед помотал головой, усмехнулся и что-то протянул Эндрю. Поначалу Эндрю не разобрал, что это. Пришлось подойти поближе, снять очки и всмотреться. Судя по всему, это была сложенная бумага

с черной сургучной печатью на уголке. Старик нетерпеливо потряс бумагой и снова протянул ее внуку. Эндрю опасливо прикоснулся было к ней. Но пальцы прошли сквозь бумагу и в один миг очень сильно замерзли. Словно Эндрю на секунду сунул руку в морозилку.

— Извини, — сдался он. — Лучше я, пожалуй, приеду к тебе и возьму ее.

Его дед поглядел на бумагу в руке с выражением крайней досады, и кивнул. Потом отступил на шаг — и стоило ему выйти из косых лучей фар, как он исчез. Осталась только темная дорога, ведущая под уклон.

Эндрю и сам вышел из лучей фар и удостоверился, что дед исчез. А удостоверившись, снова нацепил очки и вытащил из канавы свой правый ботинок. Потом немного постоял в задумчивости, глядя, как правое переднее колесо машины медленно погружается в жидкую грязь.

Эндрю подумал о движении Земли и светил, о пространстве и времени. Об Эйнштейне и об орбитальных телескопах. О том, что положение колеса в канаве — всего лишь временное обстоятельство и относительный факт, который был ложным пять минут назад и через пять минут снова станет ложным. Подумал о скорости и мощности заноса, о выталкивающей силе жижи в канаве. Подумал о гравитации и о том, как она становится собственной противоположностью. После чего Эндрю встал на колени, уперся одной рукой в травянистую грязь, а другой — в колесо и растолкал их в разные

стороны. Машина послушно, хотя и не без недовольного чавканья и чмоканья, выдвинулась из канавы, перевалилась через край и водворилась обратно на дорогу. Эндрю сел на водительское сиденье, чтобы надеть ботинок, и не без горечи подумал, что вполне можно было бы не лезть в грязь, а просто встать на обочину и поманить машину к себе. Да, над практическим применением магии теперь надо будет поработать серьезнее. Эх... Эндрю вздохнул.

И поехал в дедовское поместье.

— Умер, да? — спросил он, когда миссис Сток открыла ему дверь.

Миссис Сток кивнула и успокоила свою скудную совесть словами:

— Я так и знала, что вы сразу почувуете.

Эндрю шагнул за парадную дверь и вступил во владение наследством.

Хлопот, конечно, было предостаточно — не только в самом Мелстоне и в Мелфорде, близлежащем городке, но и в университете, поскольку Эндрю почти сразу решил уволиться и поселиться в Мелстон-Хаусе. Родители оставили ему достаточно денег, и он решил, что, если присовокупить к ним наследство старика Джослина, можно бросить преподавание и написать книгу: об этом он давно мечтал. Эндрю хотел представить миру совершенно новый взгляд на историю. Уйти из университета он был только рад — а особенно рад был уйти от ассистентки-лаборантки. Отъявленная врунья! Просто поразительно, ведь всего год назад

он намеревался на ней жениться. Тем не менее Эндрю решил похлопотать, чтобы ее благополучно перевели на другую должность, — и похлопотал.

В общем, прошел почти год, прежде чем Эндрю смог окончательно переехать в Мелстон-Хаус. Потом ему пришлось проследить, чтобы были сделаны всевозможные выплаты другим наследникам по завещанию. И он проследил и за этим, хотя завещание, переданное ему, оказалось не того размера и формата, что бумага, которую пытался ему вручить дедовский призрак. Несколько удивившись этому обстоятельству, Эндрю только пожал плечами и отсчитал миссис Сток ее пятьсот фунтов.

— Да, я надеюсь, что вы будете работать у меня точно так же, как у моего деда, — сказал он.

В ответ она только буркнула:

— Куда вам без меня! Вы же профессор, вечно в облаках витаєте!

Эндрю предпочел расценить это как согласие.

— Я не профессор, — мягко поправил он. — Просто университетский преподаватель.

Миссис Сток пропустила его слова мимо ушей. С ее точки зрения, совершенно ни к чему было наводить тень на плетень. Раз в университете, значит профессор, если, конечно, не студент, чего доброго. Вот она и растрезвонила всем в Мелфорде, что-де внук старика Джослина — профессор. Вскоре Эндрю привык, что все обращаются к нему «профессор» — в том числе и те, кто писал ему письма из дальних краев относительно разных тонкостей фольклора или с вопросами о волшебстве.

Потом Эндрю пошел и вручил мистеру Стоку, садовнику, его долю наследства — те же пятьсот фунтов.

— И я рассчитываю, что и вы тоже останетесь работать у меня, ведь у вас все чудесно получается, — сказал он.

Мистер Сток оперся о лопату. Он не состоял с миссис Сток ни в родстве, ни даже в браке. Просто фамилию Сток носила примерно половина населения Мелфорда. И у мистера, и у миссис Сток это была любимая мозоль. Друг друга они недолюбливали.

— Надо думать, старая командирша пообещала остаться? — воинственно спросил мистер Сток.

— Я ее так понял, — честно ответил Эндрю.

— Ну тогда и я соглашусь, и посмотрим, кто кого, — объявил мистер Сток и вернулся к окучиванию помидоров.

Вот так и вышло, что Эндрю нанял на работу двух мелких тиранов.

Сам-то он, конечно, так не считал. Для него оба Стока были неотъемлемой принадлежностью поместья — верные дедовские слуги, работавшие в Мелстон-Хаусе, еще когда Эндрю впервые приехал сюда в детстве. Так что он не представлял себе дом без них.

И потому до поры он был на седьмом небе — распаковывал книги, ходил гулять и просто жил-поживал в доме, где мальчиком провел столько счастливых дней. Здесь стоял особый аромат — воска, сырости, парафина и каких-то неуловимых

пряностей, — который прямо кричал Эндрю: «Каникулы!»

Мама Эндрю так и не помирилась со стариком Джослином. «Старый суеверный ретроград, — говорила она Эндрю. — Я очень огорчусь, если ты поверишь в ту чушь, что он тебе плетет!»

Однако она почти на все каникулы отправляла Эндрю к деду, дабы подчеркнуть, что с отцом она не в ссоре. Ну, то есть в ссоре, конечно, но окончательно они не разругались.

И вот Эндрю приезжал к старику Джослину, и они гуляли по полям, по лесам, по холму Мелл, и Эндрю столько всего узнавал! Он не припоминал, чтобы Джослин учил его собственно магии, зато помнил, до чего уютно было сидеть с дедом по вечерам у камина в старой сырой гостиной, занавесив огромные стеклянные двери в сад тяжелыми шторами, и слушать деда, и узнавать множество других, не волшебных вещей. Склад ума у старика Джослина Брендона был сугубо практический. Он учил внука мастерить фальшивых мух для наживки, выпиливать шарниры, делать руны для гадания, складывать оригами и клеить воздушных змеев. Они вместе сочиняли загадки и изобретали игры. Одних воспоминаний об этом хватало, чтобы дом казался Эндрю раем — хотя он вынужден был признать, что теперь, когда он поселился здесь навсегда, ему очень не хватало старика.

Однако владение поместьем отчасти это возмещало. Эндрю мог менять что угодно по своему вкусу. По мнению миссис Сток, Эндрю был обязан

купить телевизор в гостиную, но Эндрю телевизор не одобрял и покупать не стал. Зато он приобрел холодильник и микроволновку — не обратив внимания на негодование миссис Сток — и прошелся по всему дому с инспекцией, чтобы выяснить, где нужен ремонт.

— Холодильник и микроволновка! — сетовала миссис Сток своей сестрице Трикси. — Можно подумать, я буду замораживать хорошие продукты только ради удовольствия растапливать их обратно какими-то там лучами?!

Трикси обратила внимание миссис Сток на то, что дома у самой миссис Сток имеются обе эти технические новинки.

— Я трудящаяся женщина, мне простительно! — возразила миссис Сток. — Дело не в этом. Я же тебе говорю, этот человек в облаках витает!

Каково же было ее возмущение, когда она наутро явилась в дом и обнаружила, что Эндрю переставил всю мебель в гостиной — и теперь ему хватало света для игры на пианино, а самое удобное кресло переместилось к камину. У миссис Сток ушло все утро, чтобы со стонами и кряхтением переставить все на прежние места.

Эндрю осматривал крышу и пристройку, и когда он вернулся, миссис Сток уже ушла; он немного повздыхал и передвинул все снова туда, где ему нравилось.

На следующее утро миссис Сток вытаращила глаза, ахнула и бросилась передвигать пианино назад, в раз и навсегда отведенный ему самый темный угол.

— Витает в облаках! — пробормотала она, налегая на пианино и запинаясь о ковер.

— Эти мне профессора! — пропыхтела она, растаскивая кресло, кушетку, стол и торшеры обратно на освященные традицией места.

— Да пропади все пропадом! — добавила она, заметив, что теперь ковер лежит наискосок — из угла в угол.

— Да еще и пыль! — воскликнула она, рывком вернув ковер на место.

На борьбу с пылью ушло все утро.

— Теперь вам придется и на обед, и на ужин есть одну и ту же запеканку из цветной капусты! — сообщила она Эндрю с нажимом, чтобы он сразу понял: это намек.

Эндрю с улыбкой кивнул. Мысли его были заняты тем, что пристройка вот-вот рухнет — едва оттуда выветрятся остатки дедовских чар. И крыша тоже. Сквозь скаты потолка на чердаке было видно затянутые паутиной клочки неба. Эндрю думал, сможет ли он позволить себе все необходимые ремонтные работы и при этом установить центральное отопление, о котором он давно мечтал. Пожалуй, напрасно он потратил так много из оставшихся от деда денег на новый компьютер.

Вечером, когда миссис Сток ушла, он достал из новенького холодильника пиццу, выбросил запеканку из цветной капусты и, пока пицца грелась в микроволновке, передвинул мебель в гостиной на свой вкус.

Назавтра миссис Сток с кислым видом поставила все обратно — туда, куда предписывала традиция.

Эндрю пожал плечами и переставил все снова. Поскольку он при этом применял тот же метод, что и с застрявшей машиной, а миссис Сток была вынуждена пользоваться грубой силой, то Эндрю уповал на то, что вскоре она попросту устанет. А пока ее упрямство предоставляет ему прекрасную возможность отточить свои умения по части практического волшебства. Тем вечером, к примеру, пианино послушно выкатилось на свет, стоило ему поманить его пальцем.

А был еще и мистер Сток.

Тирания мистера Стока выражалась в том, что едва Эндрю садился завтракать, как садовник являлся к задней двери, которая открывалась прямо в кухню.

— Ну, поскольку особых распоряжений на сегодня у вас нет, значит все как обычно, — провозглашал он.

И удалялся, оставив дверь распахнутой на сквозняке.

Приходилось Эндрю вскакивать и закрывать дверь, пока ее не захлопнуло ветром. Если дверь хлопнет — дед объяснил это ясно и недвусмысленно, — может разбиться хрупкий витраж в ее верхней половине. Этот витраж Эндрю очень любил. Мальчиком он часами увлеченно рассматривал сад сквозь разноцветные стеклянные вставки. В зависимости от того, куда глядеть, получался то ярко-розовый предзакатный сад, притихший и безветренный, то бурно-оранжевый сад, где внезапно настала осень, то тропически-зеленый сад, где,

казалось, вот-вот запрыгают обезьяны и запорхают попугаи. И так далее. Теперь, повзрослев, Эндрю стал ценить витраж еще больше. Не говоря уже о заключенном в нем волшебстве, витраж был древний-древний. В стекле было полно всяких внутренних складочек и впаянных пузырьков, а давно покойный мастер-стеклодув умудрился сделать цвета одновременно и яркими, и затуманенными, так что, скажем, фиолетовая вставка при некотором освещении делалась одновременно густо-лиловой и приглушенно-серо-сиреневой. Если бы хоть одно стеклышко разбилось или даже треснуло, сердце Эндрю разбилось бы вместе с ним.

Мистер Сток это прекрасно понимал. Он, как и миссис Сток, добивался только одного: чтобы Эндрю не вздумалось ничего менять.

К несчастью для мистера Стока, земли вокруг дома Эндрю проинспектировал так же тщательно, как и сам Мелстон-Хаус. Огород, обнесенный каменной оградой, был прекрасен. Мистер Сток поставил себе честолюбивую цель завоевать первый приз во всех овощных номинациях на Мелстонском летнем фестивале, а экспонаты он выставлял и из своего огорода, что неподалеку, и из огорода Эндрю. Поэтому овощи у него были феноменальные. А больше мистер Сток ничего не желал делать, разве что газоны стриг. При виде цветника Эндрю лишь покачал головой, а при взгляде на фруктовый сад болезненно поморщился.

Прошло месяца два, в продолжение которых Эндрю терпеливо ждал, когда миссис Сток бросит его

воспитывать, а мистер Сток перестанет твердить свое «как обычно», и он уже приучился вскакивать, едва слышав шаги садовника. Эндрю сам открывал перед мистером Стоком драгоценную дверь, готовый при первой возможности плотно затворить ее у него за спиной, и говорил, например: «Мне кажется, сегодня самое время выполоть всю крапиву с главной альпийской горки», «Прошу вас, составьте список саженцев кустов на замену тем, что засохли, я их закажу» и «Было бы лишним сегодня подрезать яблони, все равно ни одна из них не плодоносит». И так далее. Мистер Сток волей-неволей был вынужден оставлять овощи без внимания — иногда по нескольку дней напролет.

Мстил мистер Сток всегда одинаково. В следующий понедельник он открыл заднюю дверь пинком. Эндрю еле успел поймать ее, иначе она ударилась бы о стену с внутренней стороны, — и для этого ему пришлось отшвырнуть тост и броситься к дверной ручке, едва завидев силуэт шляпы мистера Стока сквозь цветное стекло.

— Одной рукой не удержите, — предупредил мистер Сток. — Вот, возьмите. — И он сунул в руки Эндрю большую картонную коробку, доверху нагруженную овощами. — И будьте любезны съесть все это сами, ясно? Смотрите у меня, командирше ничего не давайте! А то она на руку-то нечиста. Знаю я эту хапугу. Только волю дай — тут же хватать все себе в сумочку и давай деру домой! Так что ешьте сами. И не вздумайте выбрасы-